

Парень избегает его, чувствуя себя виноватым. Обито было бы грустно, если бы это не было так раздражающе.

Поворот печати вокруг него, простое требование внимания, и воздух мерцает, когда перед ним появляется мальчишка. Он так отличается от того мальчика, которого Обито встретил впервые, но в то же время он такой же, как и все. Он смотрит на Обито широкими и настороженными голубыми глазами, и, хотя Обито никогда не признается в этом, он может понять, что Сасукэ и Какаши увлечены друг другом.

"Бакаши, да?" сухо спрашивает Обито, лениво крутя перед собой сякудзё в воздухе. Он не обращает внимания на слабый вздох, который вызвал его вопрос. "Ты ведь знаешь, что он был твоим учителем?"

Улыбка, которую дарит ему Курама, - маленькая, мимолетная и горькая. Она ему не идет. "Целую жизнь назад", - цинично отвечает он. "Иногда кажется, что больше. Сейчас мы... оба разные люди. Не думаю, что это могло произойти в мое время, но здесь..." Он беспомощно опускает глаза.

На его губах звучит извинение, но Обито с резким стуком втыкает приклад своего сякудзё в землю, не успев его вымолвить, и кольца начинают звенеть. Напряженное молчание длится бесконечное мгновение, а затем Обито позволяет себе тихонько хихикнуть.

"Что ж, - философски изрек он, - не могу сказать ничего хорошего о твоём вкусе. Да и о моем тоже". Обито делает еще одну попытку протестовать, несомненно, чтобы сделать что-то глупое и благородное, например, отойти в сторону, но Обито взмахивает рукой, снова прерывая его. "Прекрати. Какаши и я в том виде, в котором мы сейчас находимся - у нас нет шансов сработаться, ни в каком аду. Даже если не брать в расчет душу в печати, этот Какаши никогда не сталкивался с мыслью о том, что я не мертв и не являюсь чем-то меньшим, чем нелепый святой, в которого он меня превратил. Потребовалось наблюдать, как я пытаюсь поработить весь мир, а затем три года постоянных войн, чтобы приспособиться. А этот... я всегда буду для него товарищем по команде, погибшим во имя дружбы. И может быть, где-то внутри я все еще тот ребенок, но это зарыто глубоко, и я не собираюсь снова его выкапывать. Прости, сопляк. Этот Какаши - твой, куплен и оплачен. Никаких возвратов".

На одно ужасное мгновение Обито думает, что парень сейчас заплачет.

Но, слава богу, он приходит в себя и вместо слез выдает слабую кривую улыбку. "Спасибо", - шепчет он, опуская голову и проводя ладонями по лицу. "Спасибо, Обито. Я... я никогда не говорил тебе, но я очень благодарен, что ты на нашей стороне. Не только из-за Мокутона или Камуи, но и..."

К своему ужасу, Обито чувствует, как на его щеках появляется румянец - с его шрамами такие вещи никогда не бывают красивыми. Он хмурится и поворачивается к Кураме спиной. "Давай, проваливай", - огрызается он. "Разве у тебя нет невинных детишек, которых нужно развращать?"

Он тихонько смеется. "А, ты прав. Но - спасибо тебе еще раз, Обито. Ты... хороший друг".

Чертово отродье просто не знает, когда нужно уходить, думает Обито, очень надеясь, что его уши не такие уж красные, как кажется.

Почувствовав, как исчезает последняя чакра Курамы, он вздыхает и оборачивается, чтобы осмотреть пустую поляну. На мгновение он позволяет себе тосковать по их времени, по лукаво ухмыляющемуся Копи-нину, чье прощение он заслужил огнем, кровью и смертью, по человеку с серебристыми волосами, большими руками и еще большим сердцем, по мягкому рту, ловким пальцам, обводящим его шрамы, и низкому, ленивому гулу в ухе.

У них было так много, что-то такое прекрасное, даже если оно было выковано в пепле и разрушении. У них было это, пока Мадара не вырвал это, как он вырвал все, что хоть отдаленно напоминало хорошее в жизни Обито. Рин, и Минато-сенсей, и Коноха, и Какаши.

Так много, а Обито был настолько ослеплен безумием и горем, что не заметил, как у него забрали первых троих, пока не стало слишком поздно, и не успел ничего сделать с четвертым. Он потерял все это, и теперь уже никогда не сможет вернуть, потому что, как и Сасукэ Курамы, они мертвы. Те, кто здесь, - другие люди, отдельные, и никогда не смогут стать теми, кого потеряли Курама и Обито.

Обито вздыхает, когда на другом конце поляны появляется цветное пятно. Он отпускает сякудзё, оставляя его в земле, и шагает по траве, чтобы встать перед маленьким существом.

Книга маленькая и ярко-оранжевая, обложка потрепана и испачкана кровью и копотью, один угол почернел от огня или освещения. (Но все равно Обито бережно поднимает ее, словно это нечто драгоценное, и прижимает к груди.

Этого достаточно.

Он закрывает глаза, отгораживаясь от этого ночного мира, такого болезненного, невыносимо пустого, и старается не позволить горю захлестнуть его.

Этого достаточно.

Должно хватить.

Наруто, пошатываясь, поднимается на ноги: кровь течет из прокушенной губы, он весь в царапинах от последнего полета на дерево, а на лице, руках и плечах уже расцвели синяки. Но он тверд, несмотря на боль, непоколебим и устойчив, как один из древних дубов Конохи, несмотря на то, что в их с Курамой крови течет кровь прибрежного города. Он поднимает руки вверх, опускается в готовую стойку и выдыхает.

"Опять", - упрямо повторяет он.

На другой стороне поляны за ним спокойно наблюдает двоюродный брат, свесив руки набок. Его гранатовые волосы покрыты пылью и наполовину выпали из косы, и даже если это единственный признак того, что они спаррингуют уже почти два часа, Наруто все равно нелепо доволен собой, что сумел нанести столько ударов.

"Еще раз", - настаивает он, пытаясь скрыть, что задыхается и почти раскачивается на месте.

Орочимару, думает он, заставляя себя снова стоять прямо. Эксперт по ниндзюцу, возможно, знает больше дзюцу, чем кто-либо другой из живущих. Вот кого я хочу превзойти. Вот моя цель. Вот что важно.

Он встает на ноги, собирает последние запасы выносливости и повторяет: "Еще раз".

В глазах Курамы что-то промелькнуло - может быть, забава или снисходительность, восхищение или раздражение, но Наруто не может разглядеть это достаточно ясно, чтобы понять сквозь пот, стекающий по его глазам. "Очень хорошо, - мягко говорит он и поднимает руки вверх.

Наруто хватает половины очень короткой секунды, чтобы определить форму печати, а затем отпрыгивает в сторону. Крысиная печать, черт, скорее всего, это дзюцу Катона, вода, вода...

Пламя проносится мимо его головы, словно дыхание дракона, и Наруто вовремя отступает назад, а пальцы проделывают серию, ставшую за утро привычной. Окс, тигр, еще три в быстрой последовательности, руки вместе, а затем... "Суитон: Выстрел!"

Красная вспышка, слишком темная для пламени, заставляет его нырнуть в сторону, как раз в тот момент, когда еще один всплеск огня уничтожает землю на том месте, где он стоял. Он крутится на месте, даже падая, и пытается еще раз - только не в воду: поблизости нет достаточно воды для мощных дзюцу, а Курама настолько хорошо владеет огнем, что меньшее ему не грозит. Теперь земля, и это трудно, чакра выскальзывает и ускользает из его рук, когда он пытается придать ей форму, но она все равно приходит. Еще одно уклонение, еще огонь, и он откатывается в сторону, снова вздымая руки вверх. "Дотон: Пуля Земляного Дракона!"

<http://tl.rulate.ru/book/100817/3458565>